

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-47-60>

А. Н. Радищев как «архаист и новатор»: лингвопоэтические и лингвостилистические черты великой книги (к 275-летию со дня рождения)

Дмитрий Анатольевич Романов

*Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия,
kafrus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению наиболее важных лингвопоэтических и лингвостилистических характеристик «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Текст исследуется на фоне господствовавших во время его написания литературных канонов сентиментализма, часть из которых автор творчески осваивает. Радищев вырабатывает особый стиль, представляющий собой синтез трех основных языковых стихий: эмоционально-чувственной, гражданственно-риторической и обиходно-разговорной. Каждая из них отличается определенным набором языковых средств, имеющих четкое композиционное закрепление в тексте. Образные приемы классицистической поэтики, тропеические средства, заимствованные из западных литератур изысканные языковые обороты и новая для конца XVIII в. лексика оформляют композиционные части, характерные для путешествия как особого литературного жанра. Славянизмы, архаические морфологические формы и устарелые синтаксические конструкции, лексические новообразования по церковнославянским образцам применяются А. Н. Радищевым для создания высокой гражданской патетики и воплощения свободолюбивых идей. Просторечие, народная фразеология, фольклорные вставки, афористика, стилистические смещения оформляют повествовательные фрагменты и размышления автора, связанные с конкретными жизненными ситуациями. Предметом исследования становятся также прецедентные феномены в тексте «Путешествия...», его связи с европейской художественной традицией, влияние на развитие русского литературного языка и отдельных жанров отечественной словесности.

Ключевые слова: художественный текст, сентиментализм, композиция, риторический прием, прецедентность, славянизм, заимствование, новообразование, просторечие, грамматический архаизм, афористика

Для цитирования: Романов Д. А. А. Н. Радищев как «архаист и новатор»: лингвопоэтические и лингвостилистические черты великой книги (к 275-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 47–60. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-47-60>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

A. N. Radishchev as an "archaist and innovator": linguopoetic and linguostylistic features of the great book (to the 275th anniversary of the birth)

Dmitry A. Romanov

*Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula, Russia, kafrus@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>*

Abstract. The article considers the most important linguopoetic and linguostylistic characteristics of A. N. Radishchev's "A Journey from St. Petersburg to Moscow". The research also focuses on the precedent phenomena in the text of the book, its connections with the European artistic tradition, and influence on the Russian literary language evolution, as well as on particular genres of Russian literature. The text is examined against the background of the dominant literary canons of sentimentalism at the time of its writing; the author creatively mastered some of these canons. Radishchev developed his individual style which synthesised three main linguistic elements: emotional-sensual, civic rhetorical, and common colloquial. Each of them is characterised by a certain set of linguistic means that are compositionally anchored in the text. The figurative devices of classicistic poetics, tropeic expressiveness, refined linguistic expressions borrowed from Western literature, and vocabulary new for the late 18th century form the compositional parts characteristic of the journey as a distinct literary genre. A. N. Radishchev uses Slavisms, archaic morphological forms and obsolete syntactic constructions, neologisms based on Church Slavonic patterns to create high civic pathos and embody freedom-loving ideas. Low colloquial speech, folk phraseology, folklore inserts, aphorisms, and mixtures of styles shape the author's narrative fragments and reflections related to specific life situations.

Keywords: literary text, sentimentalism, composition, rhetorical device, precedent phenomenon, Slavicism, borrowing, neologism, low colloquial language, grammatical archaism, aphorism

For citation: Romanov D. A. A. N. Radishchev as an "archaist and innovator": linguopoetic and linguostylistic features of the great book (to the 275th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):47–60. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-47-60>.

Введение. «Путешествие из Петербурга в Москву» не только своеобразная «визитная карточка» Александра Николаевича Радищева как писателя, но и одна из великих книг русской литературы, без которой невозможно представить себе отечественную словесность. «Путешествие...» обрело в русской культуре статус непререкаемого канона: мировоззренческого, идейного, стилистического. Но при всей его каноничности оно никогда не покрывалось «архивной пылью», вызывая живые отклики филологов, историков и философов. Дискуссии вокруг книги Радищева не утихают до сих пор: серийное издание Института русской литературы (Пушкинского Дома) «XVIII век», публикуемое с 1935 г., редко обходится без материалов о ней и ее авторе.

Вызвав гневную по отношению к Радищеву реакцию Екатерины II, «Путешествие...» долгое время оставалось чем-то пугающим для массового российского читателя, лишь отдаленно слышавшего о ней. А имя ее автора старались не произносить вслух, во всяком случае — официально. Полномасштабное исследование творчества Радищева, и «Путешествия...» в частности, началось только в XX в.

Изученность проблемы и методология. В 1907 г. в издательстве В. М. Саблина вышло первое полное собрание сочинений Радищева с комментариями и примечаниями В. В. Каллаша, который прояснил многие «темные места» произведения, связанные с его языковым оформлением,

текст был сопровожден лексикографическим справочником. В послереволюционное время «Путешествие...» стало издаваться достаточно регулярно, и каждый очередной печатный текст книги сопровождался содержательными комментариями, включавшими наблюдения над ее языком. Среди комментариев особенно следует выделить работу Я. Л. Барскова, опубликованную совместно с текстом «Путешествия...» в издательстве «Academia» (1935), и отдельно изданный комментарий с постраничным объяснением Л. И. Кулаковой и В. А. Запалова (1974). Фрагментарные языковые заметки содержат крупные литературоведческие работы о Радищеве и его времени Г. П. Макогоненко (1956), Д. Д. Благого (1958), П. Н. Беркова (1981), Ю. М. Лотмана (1996).

О стиле радищевской прозы на фоне ее эпохи размышляли Г. О. Винокур в сочинении, посвященном языку русской литературы конца XVIII в. (опубликовано в 1958 г.), и В. В. Виноградов в исследовании «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» (1938).

Первые крупные работы о языке «Путешествия...» вышли в послевоенное время; см.: Н. Ю. Шведова «Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву»» (1951), М. М. Абрамович «Наблюдения над языком А. Н. Радищева» (1952). Большое внимание лексическому разнообразию «Путешествия...» уделит в книге «Исторический

комментарий к русскому литературному языку» Л. А. Булаховский (1958).

Вторая половина XX в. ознаменовалась исследованием разных лексических пластов в прозе Радищева: заимствований (Е. И. Литовченко, 1966), сложных слов (Е. И. Литовченко, 1967), славянизмов (Л. Ю. Максимов, 1969). Общий обзор языка сочинений Радищева предлагали А. А. Алексеев (1977), Е. Г. Ковалевская (1978), Н. А. Мещерский (1981). В настоящее время произведения Радищева пополнили базу НКРЯ¹ и продолжают пополнять издаваемый «Словарь русского языка XVIII в.»².

Настоящая работа ставит целью доказать осознанный и принципиальный выбор Радищевым для своей книги новаторского синтетического (архаизованного, риторического и разговорного) стиля, который должен был отвечать ряду авторских задач. Стиль этот сложился на базе разнородных составляющих, но выглядит, несмотря на противоречивые оценки современников и потомков, вполне органично.

Для исследования внутренних характеристик языка «Путешествия...» используются лингвопоэтические методики (определение авторских задач, обуславливающих появление того или иного языкового или стилистического средства); для изучения новаторства Радищева и внешних связей произведения используются методы лингвостилистики (анализ лексикографических данных, извлечения из теоретических изысканий о развитии русского литературного языка XVIII – начала XIX в. и отчасти последующих эпох, наблюдения над языком и стилем других литературных произведений, так или иначе связанных с текстом Радищева). Иллюстративный материал отобран из канонического текста «Путешествия...» (впервые – издательство «Academia», 1935; затем – стереотипная перепечатка)³ методом сплошной выборки. При интерпретации примеров использовались традиционные для филологии

семасиологический, структурно-семантический, лингвокультурологический и историко-текстологический методы.

Анализ. В посвящении «Путешествия...» Радищев предельно точно определил основные настроения своей книги: *чувствительность, сострадание, желание противиться заблуждению*. Это одновременно ключевые слова произведения, основы понимания литературного направления, которому оно принадлежит, и главные характеристики его жанра. Действительно: во-первых, нет ни одной главы, где бы за повествованием или рассуждением нарратора-путешественника и любого из встреченных им лиц не вставали чувства, определяемые приведенными выше лексемами; во-вторых, Радищев твердо и последовательно воплощает гуманистические каноны сентименталистской эстетики, новаторски переводя их в социально-политическую плоскость; в-третьих, книга лишь по форме является путешествием, по сути воспроизводя почти утраченную к концу XVIII в. традицию нравоучительных и дидактичных трактатов (так называемых *Слов*) древнерусской литературы.

Таким образом, риторичность «Путешествия...» предопределяется своеобразным и оригинальным пониманием его жанра Радищевым. В тексте книги можно выделить известные еще с античных времен и распространенные в русской средневековой книжной традиции риторические приемы:

– анафорические конструкции (как соседних предложений, так и частей сложных предложений): *Блажен возрыдавший, надейся на утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании* («Выезд»);

– риторические вопросы (они часто образуют циклы, придающие тексту ритмичность и имитирующие ораторскую речь): *Где ты? Где девалось все, что тебя прельщало? Где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта?* («Выезд»);

– риторические обращения: *О возлюбленные наши сограждане! О истинные сыны отечества! Воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше* («Хотиллов»);

– риторические восклицания: *Возможно ли... что в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах великого государя совершалось такое бесчеловечие!* («Чудово»);

¹ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.02.2024).

² Словарь русского языка XVIII в.: в 22 т. СПб.: Наука, 1984–2019 (СРЯ XVIII в.).

³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Советская Россия, 1987. 238 с.

— их комбинации: *Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы... толикие производились жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судии...?* («Спасская полость») — анафора в риторических вопросах; *О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров?* («Спасская полость») — риторическое обращение и риторический вопрос;

— параллельные структуры в сложной синтаксической конструкции (внутренний период): *Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо* («Хотилов») — в сочетании с эпифорой; *...тот, кто рачит о устройстве твоих чертогов, тот, кто их нагревает, тот, кто огненную пряность полуденных растений сочетает с холодной вязкостью северных туков для услаждения расслабленного твоего желудка и оцепенелого твоего вкуса, тот, кто воспеняет в сосуде твоём сладкий сок африканского винограда, тот, кто умощает окружие твоей колесницы... все сии тунейцы, все сии лелеатели... высятся надо мною* («Выдропуск») — в сочетании с анафорой.

«Путешествие...» включает и приемы речевого украшения, свойственные сентиментализму. Они имеют преимущественно заимствованный характер из западной литературы — английской, французской, немецкой (например, «цветистые» перифразы). Перифраз способен стилистически возвысить предмет повествования или рассуждения, а также скрыть что-либо, недостойное изображения с точки зрения канонов сентименталистской эстетики. Как правило, этот прием Радищев использует с определенной долей иронии по отношению к языковым вкусам своих учителей-сентименталистов: *...когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зашел на дворе колокольчик* («София»); *...взялась она за ум и, не находя больше покупателей на обветшалые свои прелести, начала торговать чужими, которые, если не всегда имели достоинство красоты, имели хотя достоинство новости* («Зайцово»).

Умолчание и намеренное сокрытие каких-либо фактов, о которых говорить в условиях жесткой цензуры невозможно, у Радищева всегда имеют иронический

подтекст. Его умолчание звучит подчас сильнее, чем прямое обличение: *Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет по почте, тот пустяками не занимается и думает, как бы лошадей поскорее промыслить* («Новгород»).

Использует Радищев иронию и как стилистический прием, подразумевая под сказанным прямо противоположный смысл. Данный прием также принадлежит поэтике сентиментализма, но у Радищева он чаще всего применяется к социально-политическим явлениям, а потому не выглядит столь мягко, как у Стерна, Гете или Карамзина. Приведем пример из главы «Хотилов», где речь идет о завоевании европейцами Америки: *Заклав индейцев единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кровости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают холодно-кровавое убийство порабощения, приобретением невольников куплею*.

Во многих композиционных частях «Путешествия...» звучит не ядовитая сатира, а мягкий юмор, свойственный жанру путешествия в его традиционном виде. Например, поборов в себе желание поколотить нерадивого станционного комиссара и получив свежих лошадей за двадцать копеек, данных ямщикам, автор добродушно замечает: *Итак, двадцать медных копеек избавили миролюбивого человека от следствия, детей моих от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что рассудок есть раб нетерпеливости* («София»).

Особая патетика «Путешествия...» также имеет сентименталистские истоки и опирается на традиционные для этого направления ключевые образы, объединяющие определенные слова одной лексико-тематической группы: **кровь** (*покраснеть, вспыхнуть* (метафорически — о цвете лица), *побледнеть*); **слезы** (*заплакать, зарыдать*); **гнев** (*ярость, вопль, задрожать, сотрястись*) и т. п.: *Сия мысль всю кровь во мне воспалила; Слезы потекли из глаз моих* («Любани»); *Незыблемым гласом и звонким произношением возопил я наконец сице* («Зайцово»).

Язык «Путешествия...» отличается яркими образными средствами, преимущественно метафорикой и сравнениями. Радищев использует как высокие метафоры, так и нейтральные (*нахмуренность грусти*;

дорога замучила мои бока; каменные одежды крепости; стезя рассудка; деревенские нимфы; время, вознесши косу, ждет часа удобности). Сравнения представлены в форме сравнительных оборотов и в форме сравнительных придаточных: *И полетел на исполнение, яко ветер...* («Спасская полость»); *...век за столом сидеть нельзя, так, как всегда быть умным невозможно* («Новгород»).

При создании портретных зарисовок Радищев использовал устойчивые народные сравнения: *брови как смоль, бела как снег, красна как маков цвет, кланяется гусем*.

Характер художественных средств меняется в «Путешествии...» в зависимости от содержания и стиля композиционной части: в повествовательных, бытописательных фрагментах речевые образные средства проще, естественнее, чем в риторических отрывках, где они вычурны, цветисты, подчас напыщенны.

Образность «Путешествия...» сопрягается с важными для автора темами. В первую очередь это свобода, равноправие, честность и благородство. О них повествователь и встречаемые им люди говорят особенно выразительно. Однако нередко и смежные темы получают образное звучание, особенно если они так или иначе связаны с выше-названными первостепенными явлениями. Например, показательно оригинальное метафорическое высказывание почтенного дворянина из Крестьянцев о неразрывной связи вольности духа, твердости понятий и речи человека. Крестьянский дворянин говорит сыновьям:

Преподавая вам сведения о науках, не оставил я ознакомить вас с различными народами, изучив вас языкам иностранным. Но прежде всего попечение мое было, да познаете ваш собственный, да умеете на оном изъяснить ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъяснение сие было в вас непринужденно и поту на лице не производило. <...> Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всех прениях нужным.

«Путешествие...» отличается разветвленной системой поэтизмов — образных лексем и их сочетаний (чаще всего метафорических), которые регулярно использовались в литературных текстах конца XVIII в. и маркировали высокий «штиль» художественной

речи. Многие из них представляли собой переводы из зарубежных источников, т. е. в основе своей были интернациональны. При обучении в Лейпциге Радищев хорошо усвоил языковые черты художественной манеры своих ровесников — молодых немецких писателей, будущих идеологов «Бури и натиска» (Я. Ленца, Ф. Клингера, Г. Вагнера и др.). Но и русская школа классицизма предоставляла для него богатый арсенал поэтизмов. Так, в «Путешествии...» приходят следующие слова и обороты: *сила шестственного движения; бренность жизни; бродя из умствования в умствование; божественный ужас; грудь воздымается; взоры тускнеют; свет меркнет; ярость бессилия; уста раболепия; затмить взоры; смраднейшее рубище; светозарная риза* и многие другие. Приведенные поэтизмы концентрируются в «субъективно-лирических и патетических фрагментах» произведения, «создавая общую эмоциональную атмосферу, близкую к интонационной структуре торжественной ораторской оды» [Лебедева 2003: 346].

К числу поэтизмов относятся, несомненно, и многочисленные слова высокого «штиля» с приставкой *воз-* (*вос-*), часто используемые Радищевым на страницах «Путешествия...»: *вознущаться, воспомянуть, возрыдать, воскормить, восхотеть, встревожиться* и др. Часть этих слов была достаточно широко распространена и до XVIII в. (например, *воссылать* или *воскормить*), часть — создана в середине века (например, *вознущаться*, впервые употребленное в «Телемахиде» Тредиаковского в 1866 г.), но все они «относятся к различным жанрам высокого слога» [Замкова 1975: 165] и помогают создавать «поэтическую атмосферу» радищевской книги.

В «Путешествии...» нет главы, где бы не присутствовал самоанализ. Автор исследует не только свои чувства и переживания, но и способы их выражения, доступность для читателя. Радищевская рефлексия по поводу манеры передавать внутреннее состояние (творческая рефлексия), несомненно, открывает подобную традицию в русской литературе (о ее связи с эссе см.: [Кайда 2022: 68]). В этом отношении Радищев — предшественник Бестужева-Марлинского, Гоголя, Герцена. Его юмор в таких композиционных фрагментах также вошел в литературную традицию:

Первым речью, читатель. Дай мне карандаш и листочек бумажки. Я тебе во удовольствие нарисую всю честную компанию и тебя причастным сделаю свадебной пирушке, хотя бы ты на Алеутских островах бобров ловил («Новгород»).

К творческой рефлексии способны и лучшие герои Радищева, например его приятель Ч... Именно он, обращаясь к автору-повествователю, произносит весьма показательные в свете приведенной мысли слова:

...что я ни скажу, все слабо будет в отношении моего чувства. Да и если бы я мог достаточно дать черты каждому души моя движению, то слабы еще были бы они для произведения в тебе подобного тем чувствованиям, какие в душе моей возникали и теснились тогда («Чудово»).

В традиционном стиле сентиментализма выстроено общение повествователя с читателем: автор обращается к нему (*Не обличи меня, любезный читатель...*), делает «технические» замечания о ходе композиционного движения произведения в его восприятии (*Но, любезный читатель, ты уже зеваешь. Полно, видно, мне снимать силуэты*), руководит осмыслением излагаемого (*Сравните то и другое; выбор наш не будет затруднителен*) и т. п. Этот композиционный прием общения с читателем станет затем весьма популярен у романтиков и перейдет в литературу последующих эпох.

Имена собственные, употребляемые Радищевым, показывают широкие идейные связи текста «Путешествия...» с европейской культурной традицией: здесь древнегреческие (в том числе мифологические) топонимы (*Пафос, Амафонт, Афины, Спарта, Троя, Карфаген* (в тексте — *Карфага*)); библейские антропонимы (*Моисей, Авраам, Соломон*), имена античных поэтов, философов, законодателей и историков (*Вергилий, Гораций, Сократ, Аристотель, Марк Аврелий, Тит Ливий, Тацит*), европейских реформаторов, просветителей и правоведов (*Лютер* (в тексте — *Лутер*), *Вольтер, Гроций, Монтескье* (у Радищева — *Монтескью*), *Лафатер* (в тексте — *Лаватер*)), фамилии представителей европейского искусства (французского художника-мариниста *Верне* (в тексте — *Вернет*)), путешественников (*О Кук! Почто ты жизнь свою провел в трудах и лишениях?*), богов и богоучителей (*Иегова* (в тексте — *Егова*), *Юпитер, Брама, Конфуций, Зороастра*) и многие другие.

О вписанности «Путешествия...» в историю отечественной и мировой культуры, об огромной эрудиции его автора свидетельствует упоминание прецедентных текстов и имен (в частности, «Недоросля» Фонвизина и его героя Кутейкина в главе «Подберезье», римского республиканца Марка Катона из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха в главе «Крестьяцы», пылкого возлюбленного Леандра из античного мифа про Геро и Леандра в главе «Валдай», Дон Кихота (у Радищева — *Дон Кишот*) в главе «Завидово» и др.). Приводятся в тексте и прямые цитаты из художественных, философских и научных произведений разных народов и эпох; особенно богато ими «Краткое повествование о происхождении цензуры» в главе «Торжок», где цитируются Светоний, Тит Ливий, Тацит, Сенека, Амвросий Ауперт (у Радищева — *Оперт*), Гердер, римский папа Александр VI и др. Здесь же приводятся точные названия их работ, указаны годы написания и прочая информация.

Таким образом, прецедентный фон «Путешествия...» действительно значителен.

В лексической ткани «Путешествия...» важнейшую роль играют, конечно, славянизмы. Среди них преобладают собственно церковнославянизмы: *ты един даешь крепость; сей град; быстрый мраз; отнимало у кормила направление; зреть облачный день; все сие было отринуто; все злое, еже сотворили*.

Большой класс составляют так называемые «стилистические славянизмы» «Путешествия...» [Максимов 1969]: *приличались в обмане; соглядал черты природы; сопутник мой; зритель позорища; словуты в коленях земнородных*.

Показательна для Радищева актуализация отдельных архаических для его времени значений, восходящих к древнеславянской этимологии. Например: *господь* — «господин»: *Недостойные преступники, злодеи! Вещайте, почто во зло употребили доверенность господи вашего?»* («Спасская полесь»); *упругий* — «стянутый, сжатый, твердый»: *едва... они начали от него удаляться, упругая сия душа смягчилась* («Крестьяцы»).

Следует отметить новообразования Радищева, созданные по типу церковнославянизмов: *столпите* камень на камень до самых облаков («Новгород») — «выкладываете

в столп, друг на друга»; *сердце разлило свое избыточество* («Зайцово») — ‘чрезмерную переполненность’; *кормилец нашей тощеты* («Хотилов») — ‘худобы, изможденности’.

Из церковнославянской риторической традиции Радищев черпает особую стилистическую нагрузку сложных слов, которые имеют как устоявшийся языковой статус (для текстов высокого «штиля»), так и отпечаток авторского творческого начала (разного рода новообразования конца XVIII в.). Всего таких слов в «Путешествии...» около четырехсот [Литовченко 1967: 83].

Традиционными для церковной и высокой риторики эпохи Радищева являются, например, следующие слова, часто используемые на страницах «Путешествия...»: *любомудрие, подобострастие, серебролюбивый, раболепие, мягкосердный, вольномыслие, человеколюбивый, тщеславие, любочестие*.

По наблюдению лингвистов [Виноградов 1982; Литовченко 1967], сложные новообразования в «Путешествии...» распределяются по нескольким деривационным группам: 1) созданные по иноязычным образцам, т. е. фактически переведенные: *самоодобрение, времяточие, чиновосочетание, властнодержавный, бредоумствование*; 2) возникшие в эпоху Радищева или несколько ранее на отечественной почве (в том числе по церковнославянским образцам): *маловажный, благоучрежденный, всещедрый, пагубноносный*; 3) неологизмы самого Радищева (также преимущественно славянского типа): *мимоидуций, градодержатель, всесовершенно, законоположение, единожитие; царедворский, зеркаловидный, сладкопение, всеополчение, коловращающийся*.

Обзор неологии Радищева позволяет заключить, что ее «славянские истоки настолько глубоки, что иные его неологизмы почти не отличимы от старых церковнославянских слов, можно сказать, они замаскированы под церковнославянизмы... Отсюда рождается вывод о том, что его новое стояло на твердом основании (фундаменте) старого» [Алексеев 1977: 105].

Особое место в тексте занимает активно формировавшийся во второй половине XVIII в. деривационный класс слов на *-ние*. «Структурно-семантическое единство этих слов, специфика их семантики (опредмеченная процессуальность или

результативность. — Д. Р.) способствовали тому, что на всем протяжении развития языка... именно этот разряд слов служил постоянным источником пополнения сначала книжной, канцелярски-деловой, позднее научной и общепотребительной лексики» [Мальцева и др. 1975: 113]. Это в максимальной степени способствовало стилистическому замыслу Радищева: осязаемая связь с древней церковной, книжной языковой традицией и вместе с тем ее перенесение в литературную и стилистически не маркированную сферу. Подобные существительные встречаются почти на каждой странице радищевского произведения. Среди них можно отметить как уже укрепившиеся в языке формы (*произращение, прокормление, делание, погубление, зыбление, кривление, пожигание*), так и грамматические новообразования автора (*возседание, произречение, настизжение, присутствие, спарение, свирепствование*; последнее — наряду со *свирепство*, которое также впервые употреблено в «Путешествии...»).

Показательно, что при наличии в языке грамматических параллелей форм на *-ние* с лексемами без этой финали (например: *властование — власть, надевание — надежда, шумление — шум, любление — любовь* и т. п.) Радищев всегда отдает предпочтение первому. Это объясняется важной для него связью вышеназванных вариантов слов с церковнославянской книжной традицией.

Данная группа лексических единиц отчетливо показывает сознательное стремление Радищева к архаизации языка произведения в соответствующих композиционных частях. Среди конкурирующих форм существительных на *-ние*, образованных от видовых глагольных коррелятов, Радищев выбирает более старые. Например, он использует существительное *расстояние* (*расстояние отца с детьми, последнее расстояние* и др.) от глагола совершенного вида, но не употребляет *расставание*, образованное от глагола несовершенного вида.

В целом же «Путешествие...» показывает общеязыковую тенденцию расширения сферы использования субстантивных форм на *-ние*: их перенесение из книжного и делового дискурса в литературные произведения, отражающие «живую разговорную речь, — дневники, письма, путевые заметки и пр.» [Мальцева и др. 1975: 145],

что свидетельствует о чуткости Радищева к языковым новациям и его влиянии на становление языка последующей русской художественной литературы.

Еще более продуктивный во второй половине XVIII в., чем *-ни-*, суффикс *-ость* послужил для Радищева источником многих грамматических неологизмов (*светозарность, прелестность, оберегательность, нахмуренность* и др.). В «Путешествии...» впервые употреблены такие ныне широко распространенные слова, как *смертоносность, плавность, первобытность, несообразность, девственность, убедительность*.

Иноязычная лексика, новая для того времени, также используется в «Путешествии...». Преимущественно это лексика французская: *Что за манер выезжать из города ночью?* («София»); *...я нашел случай продать дом на выгодных кондициях* («Спасская полесь»); *...в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация* («Подберезье») и др. Изредка встречаются и «свежие» для конца XVIII в. латинизмы и германизмы: *апелляции* на оное нет («Новгород»); *У римлян было похожее сему обыкновение, которое они называли амбицио, то есть снискание или обхождение* («Крестцы»); *был секретарем в губернском штате* («Подберезье»).

Для «риторического утяжеления» стиля Радищев специально использует отдельные устаревшие для его времени фонетические варианты заимствованных слов. Так, существительное *муза* употребляется Радищевым в качестве родового антропонима и передается как *Мусса* (*убежище Мусс; в жилище, для Мусс уготованном*), а существительное *театр* и прилагательное *театральный* приводятся как *феатр* (*директор феатра*) и *феатральный* (*феатральное сочинение, феатральные девки*), что было характерно для 1710-х гг.

Просторечие присутствует в «Путешествии...», с одной стороны, в речи персонажей и показывает невежество, грубость, низость помыслов и т. д. критикуемых героев; с другой — в авторском нарративе, где служит средством демократизации языка, разрушения классицистических догматов стилистической однородности литературного произведения.

Приведем примеры просторечия (лексического и фразеологического) в авторской

речи: *кибитка толкнулась; вскочил, не продрав еще глаз; что я подтибрил; пялит глаза на всякого мужчину* (из речи жены присяжного в главе «Спасская полесь»); *Трое вдруг молодцов стали около Анютки свататься; но Иван всех отбоярил. Они тем и сем, но не тут-то. А Ванюха тотчас и подцепил...* (из речи возницы в главе «Едрово»).

В просторечном стиле выдержана вставка в главу «Зайцово», которую рассказчик именует «басней», представляющая собой воображаемый разговор двух престарелых кумушек о замужестве (там используются лексемы *женишок, табакерочка, бирюльки, дрянь*, фразеологизм *колесом вертеться*, обращение *матка моя!* и т. п.).

Просторечие свойственно у Радищева преимущественно людям дворянского или купеческого сословия. Речь крестьян вежлива, грамотна, стилистически выдержанна. Простолудины, как правило, умны, исполнены внутреннего достоинства. Вспомним степенного дворового Ивана из главы «Городня» или рассудительного пахаря из главы «Любани». Последний говорит слогом лейпцигского студента: *Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?*

Конечно, Радищев идеализирует крестьян, но делает это вполне сознательно. Такова одна из основных тенденций его произведения — доказать, что народ ничем не хуже своих господ (и говорит точно так же). Разумеется, в этом проявляется влияние сентименталистской традиции. Однако к нему добавляется уникальная для того времени личностная точка зрения Радищева, воспринимавшего боль ближнего как свою собственную. В такой подаче речи героев-крестьян заключено для автора уважение к ним, восприятие их как равных себе и всему дворянскому сословию.

Разумеется, эта речь звучит несколько искусственно и оправдывается исключительно обозначенной выше идейно-художественной тенденцией. Но Радищев был способен воспроизводить и живую речь представителей различных сословий, индивидуализировать ее применительно к конкретному герою. Так, присяжный из «Спасской полести», рассказывающий жене историю про государева наместника, любившего

устрицы, наделен яркой самобытной речевой характеристикой. Во-первых, он сознательно стилизует свою историю под сказку, начиная ее по-народному традиционно *Жил-был...*, а на упрек жены за возможный вымысел отвечает как настоящий сказитель: *...верь, коли хочешь*. Во-вторых, в его речи присутствуют черты разговорного стиля: обильное просторечие (*кто тебя толкает в шею, выпить два крючка сивухи, шасть курьер в двери*), междометия и звукоподражания (*И ну-ну-ну, ну-ну-ну... вплоть до Питера; Тинь-тинь... Едва у городских ворот услышали звон почтового колокольчика...*), пословицы и поговорки (*не подамся вперед ни на палец; Но царь жалует, а псарь не жалует; то бы было не житьё, а масленица*). В-третьих, его речь отличается частными характеристными особенностями: он субстантивирует признаковые слова, опуская определяемые существительные (*— Поспешай, мой друг, — вещает ему униженный орденами, — поспешай...*), придавая субстантиватам ироничное звучание. Ирония — отличительный речевой признак этого персонажа. Именно он произносит с явной улыбкой: *Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами не пахнет*.

Вместе с тем Радищев — в традиции Сумарокова, Фонвизина, Княжнина — подробнее и детальнее создает речевые портреты персонажей деятельных, активных, «бойких» (чаще — отрицательных, но не только их: вспомним, например, так полюбившуюся автору-путешественнику Анюту из главы «Едрово», которая, по замечанию ямщика, *не одному... нос утерла*). Герои-резонеры, в уста которых вкладываются «высокие истины», в том числе и те, с которыми согласен сам автор, в поведенческом плане статичны, а по речевым характеристикам достаточно однообразны и схематичны (например, авторский друг из главы «Чудово» или семинарист из «Подберезья»).

Сам путешественник-рассказчик, способный к яркой разговорной речи (преимущественно на бытовые темы — см. главы «Валдай», «Едрово»), также явно теряет «языковую живость» в тех композиционных частях произведения, которые посвящены моральным и социальным проповедям. Сказанное вполне объяснимо и наследием литературной стилистики XVIII в., и опытом сентиментализма. Проповедник,

нравственный учитель (вроде фонвизинских Правдина и Стародума) должен говорить «высоким слогом», который по набору используемых языковых ресурсов гораздо беднее и прямолинейнее, чем «слог посредственный» и тем более «низкий» (вспомним, например, благоспитанного и мудрого дворянина из Крестьянов, поучающего уезжающих сыновей). Радищев старается композиционно и отчасти жанрово выделить нравоучительную риторику из общего развертывания повествования. Так, сон героя в «Спасской полести» представлен как своеобразный сказ, подчеркивающий исключительные личностные качества путешественника.

Отдельные фрагменты «Путешествия...» характеризуются столкновением стилистически высоких и сниженных слов, что было свойственно лингвопоэтике произведений конца XVIII в.: *паки захрапел; кусал персты; лижущему мою десницу*.

В обиходно-бытовых фрагментах произведения Радищев использует отдельные канцеляризмы и «финансовые» слова: например, встречающиеся в тексте главы «Спасская полость» слова *жалобница* и *промен* (*напишу жалобницу в высшее правительство; промен берешь со всех, а с ним не делишься*):

Жалобница — Канц. Заявление с изложением жалобы (старое слово, при Екатерине II принятое как официальное наименование прошения на имя государыни вместо челобитной)⁴;

Промен — Плата за обмен или размен одних денег на другие, крупных на мелкие и пр.⁵

В главе «Городня» употребляется термин *экономическое селение* (т. е. селение, переданное в государственную казну после упразднения церковного землевладения).

Устаревшие для эпохи создания произведения грамматические (морфологические) формы являются важной стилистической чертой риторических фрагментов «Путешествия...». В тексте можно отметить архаические формы:

— имен существительных: *бесполезна на земли; первому зодчию; для первого дни*;

⁴ СРЯ XVIII в. Т. 7. С. 92.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 3 т. Т. 3. СПб.; М.: Типография Вольфа, 1882. С. 498.

— имен прилагательных: *хвостовство древняя порода; человек робкия души;*
— местоимений: *горесть разлуки моя;* *содрогания, самая* кончины мучительнее;
— числительных: *в полуторе версте;* *родился хлеб сам-четверт;*
— глаголов: *изжени чернь; возляги на одре твоём; колико согреших пред вами;*
— причастий: *увидит его изнемогающа в достижении берега; тягчит его согбенна.*

Всегда в архаических формах в «Путешествии...» выступают атематические глаголы: *я есмь Истина, деяния суть жертва; вы есте под властью моею; веси, отец всещедрый.* Радищев воскрешает устарелые собирательные формы: *былие свое, терние и волчец* (в составе библейского фразеологизма), *освободим братию нашу, свое крылие.*

Топоним *Новгород* в «Путешествии...» последовательно склоняется в обеих частях — так, как это было в древнерусских текстах: *от Новгорода, к Новгороду, в Новгороде.*

Радищев создавал отдельные потенциальные грамматические формы по типу древних (например, *предваряй, невозможай, скончаевает, исполнися*), которые нередко употреблялись не в соответствии с правилами древнерусской и церковнославянской сочетаемости. Г. О. Винокур отмечал, что многие древние грамматические формы у Радищева «нельзя рассматривать для этого времени иначе, чем стилизацию», направленную на создание «стихии гражданского витийства и политического пафоса» [Винокур 1991: 236].

Радищев, как правило, дифференцирует употребление форм инфинитива на *-ти* и на *-ть*. Старые формы на *-ти* (*глаголати, селити, воротитися* и т. п.) используются преимущественно в авторских социально-политических рассуждениях и риторических частях произведения, написанных от лица как путешественника, так и героев-резонеров. Инфинитивные формы на *-ть* (*говорить, ненавидеть, лелеяться* и т. п.) чаще встречаются в повествовательных фрагментах и в речи героев-деятелей. На эту особенность литературы конца XVIII в. указывал В. Д. Левин, считавший ее одним из способов маркировки «высокого» и «низкого» в событийном ряду художественного произведения, характеристике героев и т. д. [Левин 1964: 95]. Однако следует отметить,

что в «Путешествии...» Радищева такое противопоставление является лишь общей тенденцией, но не строгой закономерностью. Возможны сопряжения инфинитивов на *-ти* и *-ть* в одном композиционном фрагменте и в одном контексте. Например, в «высоком» отрывке «Проекта в будущем» из главы «Хотилово» читаем: *...не мни убо, что любити можно, его же бояться нудятся.*

Морфологии «Путешествия...» свойственно частое употребление субстантивированных прилагательных и причастий. Это наследие древнерусской риторической традиции: *узрев издали родшего их в такой печали, возрыдали; птенец пернатых не ищет помощи от произведших его.*

Синтаксис «Путешествия...» характеризуется устаревшими формами управления:

1) беспредложное управление в тех случаях, когда по более поздним нормам требуется предлог: *избави скорби, близстоящего меня, протекающий кровь мою;*

2) предложное управление в тех случаях, когда по более поздним нормам предлог не нужен: *облегчил от податей; родил тебя в вожди;*

3) управление, изменившее падеж: *возмогут вся, сочувствовали мою опасность, предстаньте перед судию вашего;*

4) управление, изменившее предлог: *умри на добродетель, заслуга ко обществу.*

Устарелый свободный порядок слов, затрудняющий понимание фраз, свойствен стилю Радищева в большей степени, чем стилю Державина, хотя именно последнего считают «мастером синтаксических неурядиц»: *Но следоватъ возмнвивый рассудку, не имея на браде власов, опытность возвещающих, есть безумец* («Крестьяны»); *Запустелые нивы сего обновленного сильными природы потрясениями полукружия почувствовали соху...* («Хотилово»).

Частотны для риторических фрагментов текста архаические формы присоединения придаточных в сложноподчиненных предложениях: *Достойно бо, да вкусит трудившийся плода трудов своих* («Спасская полость»); *Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее?* («Хотилово»).

Среди них особое место занимает древняя синтаксическая конструкция с дательным самостоятельным, которая отсылает читателя к поэтике древнерусской литературы: *Возвещавшу сие старцу, юношеский румянец*

покрыл сморщенные ланиты его («Крестьяцы»); В училищах, юным вам сущим, преподавали вам основания права... («Хотилово»).

Синтаксической архаикой является использование подлежащего в придаточном предложении и его пропуск в главном, если придаточное препозитивно: *Если ты в том успеешь, блажен и почтения достоин* («Крестьяцы»).

Вместе с тем Радищев использовал синтаксические новшества, приемы образной разговорной речи, которые появлялись в частях «Путешествия...», лишенных риторики и публицистичности. Примером может служить парцелляция при ироничном рассказе о гулящих девицах: *Любовная летопись гласит, что валдайские красавицы от любви не умирали... разве в больнице* («Валдай») — или ряд однородных членов с метафорическими повторами и антитезой при сравнении городских и сельских девушек: *У вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности... сажка* («Едрово»).

Заметно в синтаксисе «Путешествия...» иноязычное влияние. Радищев использует калькированные немецкие синтаксические конструкции (например, с «осложненным инфинитивом в составе сказуемого» [Мещерский 1981: 177]): *...намерение мое при сем было то, чтобы сделать его чистосердечным* («Спасская полость»). К числу стилистико-синтаксических германизмов относятся и конструкции с метафорической грамматической основой, воспринятой Радищевым, как правило, из произведений немецкого сентиментализма: *Превращенные точностью воинского повиновения в куклы, отъемлетя у них даже движения воля, только живым веществам свойственная* («Хотилово»).

К числу заимствованных из французского языка принадлежат независимые дееспричастные обороты: *Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира* («Любани»); *Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце* («Чудово»).

В стиле «Путешествия...» диалектически сочетаются прямо противоположные тенденции: стремление к риторической исконно русской архаике и чуткость к самым свежим иноземным новшествам, желание сделать слог «высоким» и обильное использование сниженных элементов, расчет на

просвещенного, образованного читателя и внедрение простонародных речевых форм. Это обусловлено спецификой воззрений Радищева на различные предметы изображения, в этой диалектике заключается сущность его мировоззрения как уникальной личности и как представителя своего (переходного и противоречивого) времени. Несмотря на любовь к древней книжной культуре Руси, писатель — активный сторонник демократизации общественного устройства, языка и подходов к образованию. В главе «Тосна» он откровенно сатирически представляет стремление отдельных дворян доказать древность своего рода и иронизирует над собратьями, кичащимися своим боярством и гербами. Стряпчему, собирающему бумаги о дворянах «древней породы», путешественник советует продать их в Петербурге «на вес разносчикам для обертки». Убежденность дворян в их превосходстве над другими сословиями он называет «злом».

В тексте «Путешествия...» впервые используются сделанные автором записи произведений устного народного творчества. В ставшей классикой отечественной филологии «Истории фольклористики» М. К. Азадовский отмечал: «Рекрутская причеть в «Городне» является первым известным нам образцом этого вида народного творчества. <...> Подлинность плача совершенно бесспорна» [Азадовский 1958: 98]. Нужно отметить, что Радищева особенно привлекали малые фольклорные жанры, которые ныне включаются филологами в сферу «фразеологии в широком понимании»: пословицы, поговорки, меткие слова и речения (афоризмы) и т. д. Приведем примеры из текста «Путешествия...»: *С погодою не сладишь; по пословице: тише едешь — далее будешь, — вылез я из кибитки и убежал в первую избу; не дал бы им покоя денно-ночно* («Спасская полость»); *Лекарство со мною хотя всегда ездило в запасе, но, по пословице: на всякого мудреца довольно простоты, — противу бреду я себя не предостерег...* («Подберезье»).

Пушкин упрекал Радищева в том, что тот в «Путешествии...» не «поговорил о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии» [Пушкин 1964: 292]. Но Радищева интересовал не сам фольклор, а то в народном творчестве, что

дает повод «поговорить» (если пользоваться пушкинским словом) о социальных проблемах. Действительно, Радищев не записывал народных песен, сказок, былей. Зато, по наблюдениям А. А. Костина, по дороге в Сибирь и из Сибири он тщательно фиксировал легенды, топонимические и исторические предания. На аналогичных подлинно народных текстах (анекдотах, преданиях, слухах), которые Радищев называл «повестями», «основаны некоторые важные эпизоды "Путешествия из Петербурга в Москву"» [Костин 2013: 319]. Реальную подоплеку народных преданий можно отметить в сюжетах «Валдая», «Едрова», «Городни». В сластолюбивом барине из «Едрова» сама Екатерина II узнала А. В. Салтыкова, которого крестьяне хотели убить во время Пугачевского бунта и «слух» о мерзостях которого достиг даже императорских ушей [Бабкин 1952: 161].

Радищев создает весьма примечательную собственную афористику, которая хотя и не получила широкого распространения, тем не менее весьма заметна и важна в самом произведении, ставшем одним из символов русской культуры и просвещения. Эта афористика в значительной мере способствует продвижению главных идей автора и организует «проблемные сгустки» текста: *На казенные денежки дыр много; Кто пал мертв или обездорожен, тот и виновен; Запрещать дурачество есть то же, что его поощрять; Но власть когда краснела?!*

Текст «Путешествия...» стилистически неоднороден. Радищев существенно меняет языковой «рисунок» глав в зависимости от их содержания и авторской интенции. Когда событийное содержание уступает ведущую роль размышлениям, когда изображаются видения или сны, когда какой-либо случай иллюстрирует уже выдвинутый автором тезис, язык книги значительно утяжеляется: появляется больше церковнославянизмов, устарелых грамматических форм, предложения удлиняются, синтаксис приближается к вязи «плетения словес». И наоборот, когда Радищев изначально отталкивается от какой-либо жизненной ситуации, свидетелем которой он был или о которой достоверно знает, когда его в первую очередь занимает желание максимальной правдивости, точности изображения, когда он воспроизводит реально

наблюдаемые картины, язык повествования заметно оживляется: появляются элементы просторечия, фразеология, «эlegantные» слова иноязычного происхождения, синтаксис существенно облегчается и упрощается.

Подобная стилистическая динамика иногда свойственна одной главе, если она включает несколько объемных и неоднородных по содержанию композиционных фрагментов. Например, глава «Спасская полесь» распадается на четыре стилистические части: ночной разговор присяжного с женой, который неволью слышал путешественник; рассказ молодого купца, попавшего в сети судейских несправедливостей; размышления автора о прослушанной «горестной повести»; сон, пригрезившийся путешественнику, взволнованному судьбой встреченного молодого человека. По мере композиционного развертывания главы стиль все более «утяжеляется». Особенно архаично и риторически грузно написан сон автора. Вот пример одной синтаксической конструкции из него:

Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч, летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частью, улегаясь, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и частью, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно, мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницаемый свой покров, улетает на крыльях мгновенности, не оставляя по себе ниже знака своего присутствования, — тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстро, и не осталось косо-го вида неудовольствия нигде.

Следует отметить, что рассказ молодого купца, опутанного судейскими мздоимцами, казуистически трактующими законы, и доведенного в отчаянии почти до самоубийства, открывает в отечественной литературе горькую традицию изображения бессилия честного человека перед мнимой беспристрастностью власти. Безнадежная эмоциональная тональность этой композиционной части «Спасской полести» будет затем в точности (осознанно или бессознательно) воспроизведена в драме

А. В. Сухова-Кобылина «Дело». А гротесковые стилистические нагромождения заключительной части этой радищевской главы (сна путешественника) с новой силой зазвучат в конце 1860-х гг. в «Смерти Тарелкина» и станут ее основной лингвопоэтической чертой. В XX в. эту традицию продолжит Е. И. Замятин в антиутопии «Мы».

Выводы. Книга Радищева неоднозначно оценивалась как современниками, так и потомками. Признавая ее идейную ценность, предельную честность и беспрецедентную смелость автора, критики и филологи отмечали тяжеловесность и неуклюжесть стиля, композиционную неоднородность, диспропорциональность частей, чрезмерную риторичность и т. п. За Радищевым многие, начиная с Пушкина, не признавали оригинального писательского таланта. Между тем в отечественной литературе трудно найти произведение столь же глубоко продуманное во всех его составляющих. Радищев, ставя на первый план идеологические задачи, вместе с тем тщательно разрабатывал и форму своей книги.

Отталиваясь от канонов сентиментализма и отдавая им дань, опираясь на регламентирующие достижения классицизма, он создал своеобразный стиль, синтезирующий как минимум три разнородные языковые стихии: литературную эмоционально-чувственную, публицистическую гражданственно-риторическую и разговорную повседневно-обиходную. Радищев подчинил стилистическим задачам композицию своего произведения, точно подобрал конкретно-языковое наполнение каждого из названных стилистических регистров и добился их неукоснительного служения идейному замыслу.

В результате в русской литературе возникла единственная в своем роде книга, искренностью и выразительностью не оставляющая равнодушными уже многие поколения читателей. Она оказала влияние на развитие русского литературного языка, укоренив в нем ряд лексических новообразований автора и создав важный прецедент творческого использования разноречивых по происхождению ресурсов. Эта книга повлияла на становление и лингвистическое оформление отечественной эссеистики, общественно-политической публицистики, сатирических

жанров, стала заметным этапом в эволюции жанра путешествия. «Своей колоссальной амплитудой стилистических колебаний “Путешествие...” наметило обширную область, внутри которой разместилось реальное множество текстов того и последующего времени» [Алексеев 1977: 109].

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М. К. Истрия русской фольклористики: в 2 т. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1958. 479 с.
2. Алексеев А. А. Старое и новое в языке Радищева // XVIII век. Сборник 12: А. Н. Радищев и литература его времени. Л.: Наука, 1977. С. 99–112.
3. Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 360 с.
4. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
5. Винокур Г. О. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. С. 228–296.
6. Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л.: Наука, 1975. 223 с.
7. Кайда Л. Г. Эссе: стилистический портрет. М.: Флинта, 2022. 182 с.
8. Костин А. А. А. Н. Радищев как фольклорист // XVIII век. Сборник 27: Пути развития русской литературы XVIII века. СПб.: Наука, 2013. С. 310–325.
9. Лебедева О. Б. Жанровая система русской сентименталистской прозы в творчестве А. Н. Радищева // Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века. М.: Высшая школа, 2003. С. 327–365.
10. Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. (Лексика). М.: Наука, 1964. 407 с.
11. Литовченко Е. И. Сложные слова в «Путешествии» А. Н. Радищева // Ученые записки Омского государственного педагогического института. Вып. 29. Омск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1967. С. 82–93.
12. Максимов Л. Ю. Славянизмы в языке «Путешествия из Петербурга в Москву» // Русский язык в школе. 1969. № 6. С. 8–15.
13. Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л.: Наука, 1975. 375 с.
14. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л.: ЛГУ, 1981. 279 с.
15. Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Наука, 1964. С. 268–305.

REFERENCES

1. Azadovsky M. K. The history of Russian folkloristics: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1958. 479 p. (In Russ.)
2. Alekseev A. A. The old and the new in Radishchev's language. *XVIII vek. Sbornik 12: A. N. Radishchev i literatura ego vremeni = 18th century. Collection 12: A. N. Radishchev and the literature of his times*. Leningrad: Nauka Publ., 1977. P. 99–112. (In Russ.)
3. Babkin D. S. The process of A. N. Radishchev. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 360 p. (In Russ.)
4. Vinogradov V. V. Essays on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1982. 528 p. (In Russ.)
5. Vinokur G. O. The heritage of the 18th century in Pushkin's poetic language. *Vinokur G. O. O yazyke khudozhestvennoi literatury = On the language of fiction*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1991. P. 228–296. (In Russ.)
6. Zamkova V. V. Slavicism as a stylistic category in the Russian literary language of the 18th century. Leningrad: Nauka Publ., 1975. 223 p. (In Russ.)
7. Kayda L. G. An essay: a stylistic portrait. Moscow: Flinta, 2022. 182 p. (In Russ.)
8. Kostin A. A. A. N. Radishchev as a folklorist. *XVIII vek. Sbornik 27: Puti razvitiya russkoi literatury XVIII veka = 18th century. Collection 27: Ways of development of Russian literature of the 18th century*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2013. P. 310–325. (In Russ.)
9. Lebedeva O. B. The genre system of Russian sentimental prose in the works of A. N. Radishchev. *Lebedeva O. B. Istoriya russkoi literatury XVIII veka = History of Russian literature of the 18th century*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2003. P. 327–365. (In Russ.)
10. Levin V. D. Essay on the stylistics of the Russian literary language of the end of the 18th and beginning of the 19th centuries (Lexicon). Moscow: Nauka Publ., 1964. 407 p. (In Russ.)
11. Litovchenko E. I. Compound words in "Journey" by A. N. Radishchev. *Uchenye zapiski Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Vyp. 29 = Scientific notes of Omsk State Pedagogical Institute. Iss. 29*. Omsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1967. P. 82–93. (In Russ.)
12. Maksimov L. Yu. Slavisms in the language of "A Journey from St. Petersburg to Moscow". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1969;(6):8–15. (In Russ.)
13. Maltseva I. M., Molotkov A. I., Petrova Z. M. Lexical neologisms in the Russian language of the 18th century. Leningrad: Nauka Publ., 1975. 375 p. (In Russ.)
14. Meshchersky N. A. History of the Russian literary language. Leningrad: LSU Publ., 1981. 279 p. (In Russ.)
15. Pushkin A. S. Journey from Moscow to Petersburg. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. T. 7 = Complete Works: in 10 vol. Vol. 7*. Moscow: Nauka Publ., 1964. P. 268–305. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор

Dmitry A. Romanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 25.04.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 25.04.2024.